

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ОТ РОЖДЕСТВА К РОЖДЕСТВУ.....	15

НАЧАЛО. «МАЛЕНЬКАЯ ГЕРМАНИЯ»

<i>Кто они, первые поселенцы?</i>	<i>22</i>
<i>Великое переселение</i>	<i>24</i>
<i>Манифест Екатерины Второй</i>	<i>25</i>
<i>В поисках прародины джигинских немцев.....</i>	<i>28</i>
<i>Кто они, швабы?.....</i>	<i>28</i>
<i>Земля швабов.....</i>	<i>32</i>
<i>«Свои люди»</i>	<i>32</i>
<i>Аккермановский уезд</i>	<i>34</i>
<i>Причины миграции</i>	<i>36</i>
<i>Великие реформы</i>	<i>37</i>
<i>Дешевая земля</i>	<i>38</i>
<i>От древних греков до казаков</i>	<i>39</i>
<i>Адыги</i>	<i>42</i>
<i>Казачество</i>	<i>43</i>
<i>Время терпения и сумасшедшего трудолюбия</i>	<i>45</i>
<i>Поселяне</i>	<i>51</i>

<i>Благоустройство Джигинки</i>	53
<i>Торговля</i>	56
<i>Вероисповедание джигинских немцев</i>	57
<i>Немецкая школа</i>	65
<i>Праздники, обычаи, традиции</i>	71
<i>Немецкая свадьба</i>	79
<i>Брачный договор</i>	81
<i>Немецкое Рождество</i>	84
<i>Кухня джигинских немцев</i>	88

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН. ОТ РЕВОЛЮЦИИ ДО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

<i>Первая мировая война</i>	96
<i>В поисках российского подданства</i>	98
<i>«Неприятельские выходцы»</i>	99
<i>Ликвидационные законы</i>	101
<i>Депортация немцев в годы Первой мировой войны</i>	107
<i>Революция 1917 года. Новые времена</i>	108
<i>На перекрестке дорог</i>	109
<i>Мир</i>	115
<i>Военный коммунизм</i>	115
<i>НЭП</i>	118
<i>Новые времена — 2</i>	124
<i>Новая власть</i>	125
<i>Первая комсомольская ячейка в Джигинке</i>	126
<i>Партийная ячейка в Джигинке</i>	130
<i>Сплошная коллективизация</i>	131
<i>Колхоз им. Карла Либкнехта</i>	138
<i>Репета</i>	140
<i>Борьба за выживание</i>	140
<i>1933 год</i>	149
<i>Время — вперед!</i>	151
<i>Колхоз-миллионер</i>	155
<i>Кирха</i>	158
<i>Благоустройство села</i>	161
<i>История появления духового оркестра</i>	165
<i>Школа</i>	170

Содержание

<i>Репрессии, 1937–1938 годы</i>	177
<i>Затишье</i>	190

ГОДЫ ВОЙНЫ

<i>Сентябрь, 1941 год</i>	197
<i>Раннее утро 29 сентября 1941 года</i>	201
<i>Дорога</i>	203
<i>В пути</i>	205
<i>Давайте разберемся</i>	210
<i>Расселение</i>	212
<i>Жизнь на новом месте</i>	214
<i>Великодушные</i>	217
<i>Трудовые армии</i>	217
<i>Джигинка: время оккупации</i>	235
<i>«Новый порядок»</i>	240
<i>Освобождение</i>	248
<i>Еще одна легенда Джигинки</i>	249

ВОЗВРАЩЕНИЕ. ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

<i>Возвращение</i>	266
<i>Небольшое отступление:</i>	
<i>Сталин и джигинские немцы</i>	276
<i>Свобода!</i>	276
<i>Новые времена — 3</i>	285
<i>Перестройка</i>	294
<i>«Наши» в Германии</i>	294
<i>«Из-за чего же я плакала?»</i>	296
<i>Потерянные</i>	297
<i>Причина первая — граница</i>	298
<i>«Русланд»</i>	298
<i>И все же...</i>	299
<i>Родина</i>	300
<i>Звенья одной цепи</i>	309

ЭПИЛОГ	311
---------------------	-----

ПОСЛЕСЛОВИЕ	313
--------------------------	-----

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают искреннюю признательность всем тем, кто помогал в работе над этой книгой.

Альфред Кох лично благодарит Бориса Минаева, главного редактора журнала «Медведь». Кроме того, особые слова благодарности хочется адресовать Шрамовой Екатерине Николаевне, Балько Иде Готлибовне, Кох Нине Георгиевне, Эрфле Людмиле Евгеньевне, Богдан Марианне, Чилиби Ирине, Фладунг Ванде Андреевне, Герман Альме Карловне, Деулиной Валентине Владимировне.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне стыдно признаться, но идея этой книги принадлежит не мне. Однажды я получил по электронной почте письмо от журналистки Ольги Лапиной с предложением посодействовать написанию книги о деревне Джигинка Анапского района Краснодарского края.

«Что же тут стыдного? — спросит читатель. — Некий балующийся публицистикой московский дядя получает от провинциальной журналистки предложение поучаствовать в написании книги о какой-то забытой Богом южной деревне и расстраивается по причине того, что эта идея не ему пришла в голову. Тем более что (вы вот сейчас подсказываете) эта Ольга Лапина живет в этой самой Джигинке. Что же тут удивительного, что она и пришла с этой идеей?»

А удивительно в этом то, что в этой деревне родился мой отец. И я сам в этой деревне провел практически все свое детство, а именно — все свои летние каникулы. И деревня эта изначально называлась не Джигинкой, а была она немецкой колонией Михаэльсфельд.

Так или иначе, но я уцепился за это предложение и с удовольствием начал помогать Ольге в написании книги. По мере того как она присылала ее отдельные главы, я все более погружался в воспоминания. Помимо прочего, многое из того, что раскопала Ольга, я не знал до этого, и я благодарен ей за ту работу, которую она проделала.

Жанр предисловия предполагает некое анонсирование книги, но я не буду заниматься здесь кратким пересказом: это отбивает охоту ее читать. Расскажу здесь лишь о тех впечатлениях, эмоциях и размышлениях, которые она у меня вызвала.

Первое впечатление неожиданное, но если вдуматься, то довольно банальное и лежит на поверхности: в истории этой немецкой колонии, как в капле

воды, отражается вся история России за последние 150 лет. Ни одно событие не прошло мимо. В ней можно увидеть все: и постепенный, но неуклонный и очевидный рост благосостояния российского крестьянства, вызванный реформами Александра Второго, и беду 1914 года, особенно больно ударившую по немецким колонистам, и трагедию кубанского казачества (а вместе с ним — и проживающих на Кубани немцев) в Гражданскую войну, и послабления НЭПа, и «окончательное решение» российского крестьянского вопроса в виде коллективизации, и убогое «колхозное счастье», и катастрофу 1941 года, и следом — депортацию, ссылку, трудармию и сталинские лагеря, послевоенный голод, «оттепель», возвращение в Джигинку из казахстанской ссылки. И финальный исход в Германию.

Второе впечатление — это впечатление эпическое, философское. Круг замкнулся: почти 200 лет блуждал маленький народ по просторам Евразии и вот вернулся на землю своих предков. Или, как говорят немцы, Vaterland. Как хотите, но есть в этой истории что-то библейское, ветхозаветное.

Двести-триста лет назад перенаселенная Европа выбрасывала из своего чрева малоземельных крестьян, городские низы, обедневших дворян и просто искателей удачи и авантюристов. Огромные массы людей двинулись кто куда: кто в Америку, кто на юг Африки, кто в Австралию, а кто — в Россию. Аристократы двинулись «на ловлю счастья и чинов» в Петербург, а крестьяне — на юг России, на только что отвоеванные у турок земли северного Причерноморья.

Жестокая логика XX века сломала всю патриархальную, наивную крестьянскую веру моего народа в справедливость труда. В то, что труд все переможет и трудом все можно исправить. Оказалось, что это далеко не так. Оказалось, что неожиданно и вдруг ослепленные яростью и взаимной ненавистью могучие этносы могут, как песчинку, перемолоть маленькую колонию инородцев, затерявшуюся в кубанских плавнях. Сначала в 1914-м, а потом и в 1941 году. Какая мистическая сила в этих двух симметричных цифрах...

Третье впечатление — гордость за мой народ. Восхищение его невероятной стойкостью и живучестью. Куда только не бросала его судьба: в кубанские плавни и волжские степи, в алтайскую тайгу и на берега Рейна. Везде он, недолго горюя об утраченном быте, сноровисто и терпеливо начинал обустриваться и методично и много трудиться. Не проходило и нескольких лет, и опять немецкие деревни — самые богатые, урожаи — самые обильные, а невесты — самые завидные.

Где-то там, далеко, за тысячи километров на запад, из руин Дрездена и Гамбурга, Нюрнберга и Вюрцбурга трудом «большого» народа возрождалось могущество послевоенной Германии. С ней не было связи, от нее не было помощи, само немецкое происхождение в послевоенном СССР было уже клеймом выроodka и врага народа. Но так же, как и в «большой» Германии, почти уже забытой, воспринимаемой как далекая сказка, даже ничего не зная

Предисловие

об этом ее возрождении, «малый» народ в казахстанских степях и в сибирской тайге один за другим поднимал немецкие колхозы-миллионеры.

Однако даже самый упорный труд не в состоянии изменить железную поступь истории. История — это то, что все расставляет по своим местам. И все вещи называет своими именами: глупость — глупостью, подлость — подлостью, а невежество — невежеством. Никакие самые красивые проекты не могут выжить, если они стоят не на использовании знаний о человеческой природе и законах, по которым развивается человеческое общество, а на попытках эту природу и эти законы изменить. Такие проекты являются опасными утопиями. Как, впрочем, это изначально и было у Томаса Мора: все в его Утопии было красиво и гармонично, за исключением того, что где-то там, за кулисами, незаметно для всех трудились рабы...

Уж на что китайцы являются хрестоматийным примером методичного трудолюбия, но в условиях маоистской утопии и они чуть все с голоду не околели. А чуть только порядки у них стали более-менее разумными, как они удивили весь мир своим экономическим чудом.

И четвертое, и для меня — самое главное. Эта книга помогла моей личной самоидентификации. О чем это я? Сейчас попробую объяснить.

С самого раннего детства я испытывал некий дискомфорт от двусмысленности моего происхождения. Это Путин всем рассказывает, что в Советском Союзе была какая-то там «новая общность людей — советский народ». Но в реальности — никакой такой общности не было. Да, народы, населявшие СССР, жили в относительном мире, но это вовсе не значит, что национальная идентичность ничего не стоила. Это — ложь. Возможно, так казалось только «старшему брату» — русским. Но остальные этносы отнюдь не считали себя членами «дружной семьи советских народов». Можно поинтересоваться у прибалтов, у грузин, у евреев, у западных украинцев, у чеченцев, у немцев, цыган, калмыков, у многих других народов, населявших и населяющих нашу страну, — испытывали ли они притеснения в связи со своим происхождением? И они вам ответят: да, так называемая «пятая графа» в листке по учету кадров — это ведь не выдумка антисоветчиков, это жестокая реальность, которую Путин знает, но о которой предпочитает молчать.

Таким образом, дискомфорт мой состоял в том, что я чувствовал себя вполне русским человеком: мать у меня русская, дома говорили только по-русски, в раннем детстве моя русская бабушка рассказывала мне русские сказки, а мой русский дедушка — истории про то, как он бил немцев на войне. Однако откуда это странное имя — Альфред? Откуда это чудовищное (язык сломаешь) отчество — Рейнгольдович? И эта смешная фамилия — Кох? Неужели мой папа, мой любимый, большой, сильный папа, — немец? Вот эти долговязые белесые люди с горбатыми носами из фильмов про войну — это мои соплеменники? Не вот эти красивые русские богатыри, с которыми я говорю на одном языке и живу в одной, самой большой и самой прекрасной

стране и каждый из которых может зараз одним ударом уложить десяток ненавистных тонкошеих уродцев? Нет, эти богатыри — чужие мне люди, которые, если что, могут меня и в ссылку отправить, и в тюрьму посадить, а вот эти самые уродцы — это мои братья по крови. Какой ужас...

Сначала я очень хотел быть русским. Мне хотелось слиться с большим этносом, стать его частью, разделить с ним его историю, его ошибки и достижения. Мне хотелось быть защищенным его силой, ощутить этот специфический комфорт безнаказанной неправоты, который может дать только национальная, кровная сплоченность.

Однако потом я понял всю тщетность своих усилий. Все разбивалось об имя. Кох Альфред Рейнгольдович — это (как правильно однажды заметил Леня Парфенов) бундестаг с бундесратом, да еще и с бундевером. Никогда, ни при каких обстоятельствах с таким «погонялом» нельзя стать русским человеком. Ведь это только кажется, что для национальной идентификации достаточно самоидентификации. Это далеко не так. Вот что толку, что я вообразу себя чеченцем или грузином? Да прочитай я хоть тонны книг про их нравы и обычаи, выучи досконально их язык и проводи много лет среди них, все равно: если они сами меня не посчитают их соплеменником, все мои потуги будут напрасны. А с такими стартовыми данными, как у меня, рассчитывать на то, что русские меня примут в свой народ, — верх легкомыслия.

Нет, я не обижаюсь на русский народ. Упаси Боже. Я благодарен русской культуре, русскому языку, всем русским женщинам, которых я любил и люблю. Более того, русская ментальность — это, пожалуй, наиболее понятная и освоенная мною ментальность. Но я не мог проникнуть сквозь национальную скорлупу внутрь этого этноса: они меня не пускают. Как только я теряю бдительность и начинаю говорить то, что я думаю, как тут же следует окрик: «Это не ваше дело! Если вам не нравится у нас — можете убираться в свой Израиль!» Израиль — это даже как-то понятно. Это некий ветхозаветный образ Земли обетованной. Да и всякая нерусская фамилия у любого великоросса автоматически проходит «еврейский экзамен». Который я, разумеется, почти всегда проваливаю. Кстати, если даже кто-то так не говорит (про «убирайтесь»), это не значит, что он так не думает.

Однако в обладании таким именем есть определенные утилитарные преимущества. Например, еще ни разу ни один следователь за всю историю моих взаимоотношений с правоохранительными органами не написал правильно мои фамилию, имя и отчество одновременно. Почти всегда в повестках была ошибка, и я имел легальное основание считать, что вызывали не меня.

Относительно шуток в мою сторону можно написать целое социопсихологическое исследование. С пеленок я знаю про «палочку Коха», про «гауляйтера Украины» и про «жену директора Бухенвальда». Причем считается, что

Предисловие

все это «остроумие» чрезвычайно оригинально и до судорог смешно. На «палочке Коха» остановлюсь подробнее, потому что она, в моем представлении, является неким феноменом.

Всю жизнь, в какой бы компании я ни оказался, будь то профессора и политики, трактористы и бетонщики, искусствоведы и музыканты, шоферы и доярки, бизнесмены и режиссеры, все люди вне зависимости от образовательного и интеллектуального уровня после получаса беседы обязательно как-нибудь ввернут эту пресловутую «палочку». Кто-то — искренне пытаясь по-дружески пошутить, кто-то — думая, что он таким образом меня тонко поддевает, кто-то — натужно стремясь показаться эрудированным и оригинальным.

После произнесения в мой адрес этого сакрального словосочетания «палочка Коха» поведение всех людей (опять же независимо от их возраста, происхождения и умственного развития) абсолютно одинаково: они хитро прищуривают глаза, на губах у них появляется саркастическая улыбка и они начинают вертеть головой, ища мысленных аплодисментов от участников беседы: смотрите, мол, как здорово и залихватски я пошутил!

Я давно уже никак не реагирую на этот «юмор». Все это я уже слышал миллион раз. Да, я знаю, что тут обыгрывается мой член. Мой член — это и есть «палочка Коха», она же — возбудитель туберкулеза. Да, это дико, до кол-ик смешно. Смешно ведь, правда? Я даже своего сына назвал — Роберт. В честь великого нобелевского лауреата Роберта Коха, открывшего кроме возбудителя туберкулеза также еще и возбудителей холеры и сибирской язвы.

Вот как тут (при всем желании) стать русским? «Немец, перец, колбаса» — и все тут. Самое простое было бы — поменять имя, фамилию и отчество. Стать каким-нибудь Александром Родионовичем Карповым (у меня мать — Карпова). И все, дело в шляпе. Но тут начинаются запинки... Как писал О'Генри, «что-то внутри нас выбирает нашу дорогу».

Вот взять хотя бы имя — Альфред. Древнегерманское, еще дохристианское имя, означающее «голос лесных духов». Этим именем был назван один из братьев моего отца, Альфред Кох, 1912 года рождения. Родился в немецкой колонии Михаэльсфельд (ныне деревня Джигинка Анапского района Краснодарского края). Рос вместе со своими братьями и сестрами в обычной крестьянской семье деревенского кузнеца, моего деда Давыда Карловича Коха и его жены Августины Рудольфовны Кох (в девичестве — Бухман). Закончив школу, поехал в Ленинград, отучившись там в педагогическом институте, вернулся в родную деревню и стал работать школьным учителем. Женился, родилась дочь. В 1937 году был арестован по 58-й статье — «антисоветская агитация и пропаганда». В 1938 году — расстрелян. А в 1956-м — реабилитирован. Свидетельство о реабилитации вот оно, лежит передо мной. Здесь черным по белому написано: Альфред Кох — расстрелян. Аж мурашки по коже... Он был кумир семьи, единственный человек с высшим образованием. В честь него

мой отец меня и назвал Альфредом. Что, говорите, менять? Как-то не поднимается рука... Может, это голос древних лесных духов говорит мне «Терпи, ничего, так надо, это ты выдержишь»?

Ну, хорошо, пусть будет Альфред. Мало ли какая дурь на людей найдет, могут ребенка и Альбертом, и Джессикой назвать. Но отчество-то, отчество! Рейнгольдович! Это же ни в какие ворота!

Да, согласен. С таким отчеством в русские лучше не соваться. Ну что, будем менять? Рейнгольд означает «чистое золото». Тоже древнее германское, еще языческое имя. Мой отец родился в 1935 году. Когда началась война, ему было шесть лет. В сентябре 1941-го их депортировали из Джигинки в Восточный Казахстан. Отец депортацию плохо помнил. Но жизнь в ссылке в нищем таежном колхозе в деревне Кутиха Бухтарминского района Восточно-Казахстанской области он запомнил на всю жизнь. Всех работоспособных депортированных немцев забрали в трудармию и лагеря. Остались в колхозе одни старики и дети. Голодали страшно. Немцам, по понятным причинам, еда доставалась в последнюю очередь. Многие умерли. Особенно тяжело и голодно было после войны. Казалось, что уже не выдержат. А бежать некуда: паспортов-то нет. В 17 лет отец сбежал из колхоза. Без паспорта, практически на верную гибель в лагере. Болтался в городе полулегально, работая в гараже разнорабочим-смазчиком.

Но тут в марте 1953-го помер Сталин. Начались послабления паспортного режима. Поскольку отец хорошо работал, начальник гаража хлопотал за него, и ему выдали паспорт. Но статус ссыльнопоселенца с него долго не снимали, и он еще лет десять ходил отмечался в спецкомендатуру как репрессированное лицо. За что? Что он понимал в свои шесть лет? Можно ли считать преступником ребенка? Да, впрочем, о чем это я... Все и так ясно.

Отец и потом много и честно работал. Когда разрешили уехать из ссылки, он еще какое-то время подумал, а потом поехал строить Волжский автозавод. Построив его, он на нем до самой пенсии и проработал. У него было много орденов и медалей за доблестный труд. Умер он шесть лет назад. Царство ему небесное. Нет. Отчество тоже менять не будем. Пусть остается какое есть. Плевать, что подумают. Пусть что хотят, то и думают.

Ну, может, хоть фамилию поменять? Будет: Альфред Рейнгольдович Карпов. Звучит, конечно, глупо. Но хоть что-то...

Если так сделать, то я уже не буду связан с тетей Олей. Старшей сестрой моего отца Ольгой Кох, которая фактически спасла его от голодной смерти в колхозе, делилась с младшим братиком последним куском. К ней я каждое лето ездил в Джигинку все 1970-е годы. Она с мужем вернулась в родную деревню сразу, как только разрешили — в 1964 году. Разумеется, их отчий дом оказался занят чужими людьми, и ей его не вернули. Они построились напротив, на другой стороне улицы, и всю жизнь она ходила мимо дома, построенного ее отцом. Пройдя и трудармию, тюрьмы и лагеря, она сохра-

Предисловие

нила спокойную, терпеливую рассудительность. Она была до тошноты чисто-плотна, много и красиво вышивала, прекрасно готовила.

А как она доила корову! Мыла ее, затем отдельно мыла вымя, смазывала его вазелином. А потом струи начинали звонко бить в оцинкованное ведро... Какое это счастье: пить парное молоко с выпеченными ею пирожками — курами. Корова сочно хрустит зелеными стеблями кукурузы или, как ее называют местные казаки, «бодылки», за стенкой аппетитно хрюкают поросята, кудахчут куры, хлопают крыльями гуси. В саду под тяжестью черных и оранжевых ягод склоняют свои ветви вишни и абрикосы местного сорта «жердели». Красное южное солнце садится за «кручи» в конце деревни... Она умерла от рака в 64 года.

Или отцов брат Рудольф, 1923 года рождения. В 1941 году из армии — сразу в лагерь. И вплоть до конца войны — лесоповал. Оттуда он пришел с женой, тетей Галей. На руках у нее были синие наколки, и она без конца курила «Беломор». Потом всю жизнь дядя Рудольф проработал в совхозе. Там, на лесоповале, на обских болотах заработал он жуткий тромбофлебит и умер 60 лет от роду.

А была еще старшая сестра Мария. Ее звали Марихен. И у нее был сын Генрих. В деревне его звали Гаррик. Был неведомый старший брат Карл, который умер где-то во Фрунзе. Он уже был совсем взрослый, когда их депортировали. Был еще брат Адольф, которого в 1940 году забрали в Красную армию и который пропал без вести в первые дни войны. Видимо, погиб сразу или попал в плен. Поэтому его не успели депортировать.

Наконец был отец (мой дед), умерший в 1944-м. Он умер в 59 лет, зимой. Отец рассказывал, что могилу ему выкопали за деревней, на склоне горы. И долго еще потом после похорон чернел на снегу его могильный холмик. А потом и его занесло снегом. Была мать (моя бабка) Августина (баба Гутя), умершая в год моего рождения, так и не научив меня немецкому языку.

Все они жили недолго, рано умерев от голода и болезней. Судьба была несправедлива к ним. Они много и тяжело работали, светлых дней в их жизни было мало. Но это были совсем не злые, красивые и работающие люди. Они были все крепко скроены, с огромными жилистыми руками, мощными плечами, физически очень сильные и выносливые. Но даже таких людей убивает непосильный, изнурительный труд. Они просто надорвались.

Можно ли было сделать вид, что ничего этого не было, что этих людей в моей жизни не существовало? Стать не Кохом, а Карповым?

Там, по русской, материнской линии тоже была и коллективизация, и раскулачивание, и стройки первых пятилеток. Была война, ранение, инвалидность деда, тяжелый беспросветный труд бабки... Но это уже другая история. Но что делать с этой, с историей семьи Кох?

А ничего не делать, оставить все как есть. Ничего уже не изменишь, что было — то было. Все мы несем на себе груз прожитых до нас жизней. Это

только кажется, что ты в ответе только за себя. Нет! Недаром в Библии сказано, что Бог наказывает детей за грехи отцов и так на несколько поколений вперед...

Вот это: Альфред Рейнгольдович Кох, что это? Наказание? Вряд ли... Тогда что? Почему это так важно для меня? Почему я не могу перестать им быть? Не знаю... Наверное, это долг перед своими предками. Странно, откуда этот долг взялся? Почему я чувствую — я должен? Не знаю... Но ведь чувствую! Но и не только. Нет. Не только долг. Что же это? Как назвать это острое чувство потребности в национальной идентификации?

Ученые говорят, что вкусовые рецепторы у человека открываются и обретают чувствительность постепенно, не сразу. Человек уже перестает расти, он уже может иметь детей, давно бреется и даже уже отслужил в армии, а вкусовые рецепторы все еще продолжают раскрываться. В 25 человек начинает понимать букет хорошего вина (до этого все вина казались на один вкус), потом — прелесть сыра «с душком» (а раньше казалось: какая гадость — дерьмом воняет), тонкий аромат испанского свиного окорока, нежность спаржи и удивительный вкус выдержанного говяжьего стейка. Он начинает понимать, что правильно поджаренное на гриле мясо не нужно поливать кетчупом, что картошка фри — не самый лучший выбор для гарнира и что макароны «по-флотски» — это не «спагетти болонезе».

Так и с национальностью. Может, это очень субъективно, но мне кажется, что где-то в районе сорока у мужчины возникает потребность «назвать себя». Понять, кто ты, откуда ты, где твои корни, продолжением чего ты являешься, из недр чьей истории ты вынырнул и прервется ли на тебе та тонкая линия, которая началась задолго до тебя?

Национально детерминированные люди проходят этот этап легко: у них все понятно и органично. Они живут на земле своих предков, отец и мать у них титульной нации, и проблемы выбора у них нет. Быть может, поэтому они этого этапа не замечают, а метания друзей-инородцев кажутся им «мудовыми рыданиями».

Это не только моя персональная история. Я это знаю по всем своим друзьям и знакомым, которые принадлежат к национальным диаспорам либо являются «полукровками».

Я уже больше десяти лет как вступил в этот период жизни. И моя помощь Ольге Лапиной в написании этой книги — моя дань памяти моим предкам. И тем, кого я знал и любил. И тем, кто были до них...

Альфред Кох

ОТ РОЖДЕСТВА К РОЖДЕСТВУ

Несколько лет назад, кажется, ничто не предвещало, что эта книга будет написана. С чего все началось? С Рождества. С немецкого Рождества.

Городской журнал «Анапа сегодня» заказал мне статью о немецком Рождестве. Предполагалось, что писать я буду о том, как в бывшем немецком селе отмечалось (и отмечается сегодня) Рождество.

«Гвоздем» статьи предполагалось сделать рецепт кухни — немецкого пирога. Сама же статья должна была быть приятной во всех отношениях — вкусной, волшебной, красивой.

Но в результате в бывшем немецком селе мне не удалось узнать рецепт кухни. Были и такие потомки джигинских немцев, что всерьез переспрашивали меня: «А что такое куха?» На что я обескураженно отвечала, что вот это-то я у них и хотела бы узнать.

Сама, кстати, я пробовала кухню «по-джигински». И не раз. Помню, как пожилая джигинская немка, у которой я жила на квартире некоторое время, по праздникам пекла эти самые кухи. С вечера замешивала тесто, после чего всю ночь не спала — «священнодействовала» над квашней. Я очень хорошо запомнила, как она аккуратно выбирала из сахара малейшую пушинку-пылинку, как тщательно просеивала муку, как придирчиво просматривала выбитые в чашку яйца — чтобы все было идеальное, чистейшее, белейшее. И в итоге вкуснейшее.

Это были изумительные кухи. Они таяли во рту. Действительно таяли! Но это было так давно. И немка та давно уехала в Германию, и жизнь ее совершенно изменилась с тех пор. Раньше, до отъезда в Германию, ее день состоял из многочисленных хлопот по хозяйству. Вставала она, как правило, рано, еще затемно. «Управлялась» по хозяйству. И только после добросовестно

сделанной работы садилась пить горячий кофе. С чем-нибудь вкусным. С той же кухой, например. Представить ее без работы и вне работы было невозможно. Хотя в то время она уже была на пенсии.

Так вот, в Германии моя немка зажила совсем другой жизнью. Никаких «трудовых десантов» в огороде (в Германии они не приветствуются), никаких стирок в банях и развешивания мокрого белья на морозе (когда пальцы примерзают к металлическим струнам, а по спине течет горячий, липкий пот), никаких печек, угля, дров, солярки, никаких забот о том, чем кормить поросят, гусей, теленка и корову. Все это было в прошлом. А в настоящем — путешествия, разнообразная культурная жизнь, будни знающей себе цену фрау. От прошлой жизни, пожалуй, остался только обжигающий, густой, свежесваренный кофе по утрам...

Но вернемся к кухне. Конечно, я могла бы обратиться к Интернету и найти любой рецепт любой кухни. Но этот вариант я не рассматривала. Мне хотелось узнать рецепт именно и только «джигинской» кухни.

Но никто не мог мне его дать.

Вмешался случай. Мне посоветовали обратиться к Балько Иде Готлибовне. Она, мол, из немцев, хорошо знает и помнит немецкие обычаи и традиции. И уж рецепт кухни тоже ей знаком. Более того, она сама печет превкусные, превосходнейшие кухни.

Нужно сказать, что Ида Готлибовна к этому времени была уже «звездой» анапских СМИ. У нее неоднократно брали интервью, ее имя было на слуху. И я отправилась на встречу с Идой Готлибовной.

...Маленькая, сухонькая, но чрезвычайно подвижная и энергичная Ида Готлибовна. Взгляд цепкий, речь великолепная, голос зычный. Даже удивительно, как в таком хрупком теле может существовать такой мощный голос.

Белый платочек, изящный наряд, чулочки, тапочки. Белоснежные волосы собраны в маленький пучок. Пронзительно-голубые глаза на желтоватом лице. Длинный нос, узкие губы. Лицо доброй колдуньи.

И мы начали наш неспешный разговор. О кухне. Потом нечаянно затронули тему семьи Иды Готлибовны. Перешли к истории Джигинки. Все это было необычайно интересно. То есть я знала, конечно, что Джигинка — бывшее немецкое село. Но информация эта приобрела свой истинный смысл для меня только в беседе с Идой Готлибовной. Она сама была из этой истории, живой ее персонаж.

Другими словами, история бывшего немецкого села стала обрастать плотью и кровью.

Ида Готлибовна рассказывала, как ее семья жила до войны. Как отмечали Рождество. Как жили немцы в то время, чем они жили. Рассказала историю своей куклы, которую ей подарили на Рождество родители. Как берегла она эту куклу, как любила и никогда бы ее не бросила, если бы только их не выселили тогда...

«Не выселили?» — переспросила я ее удивленно.

Так мы и пришли к теме выселения немцев из Джигинки 28 сентября 1941 года. Когда немцы были вынуждены бросать свои дома, все нажитое добро, семейные архивы. Когда им на сборы дали всего 24 часа. Потом посадили в товарные вагоны и отправили в Восточный Казахстан. Там, в Восточном Казахстане, родители Иды Готлибовны погибли от голода. А сама она попала в трудовую армию.

В общем, статья началась с кухни, а закончилась тем, как выживала Ида Балько в трудовой армии на Урале.

Ида Готлибовна оказалась удивительной рассказчицей. Например, она рассказывала мне историю, когда ей уже в Восточном Казахстане привезли повестку в трудовую армию. Как подъехала к ней женщина на лошади. И силуэт этой всадницы, этого грозного вестника, ярко чернел на фоне полыхающего заката. Ида Балько, которая до этого момента говорила достаточно односложно, рублено и сухо, вдруг стала говорить картинками, ярко, художественно. Словно не Ида Балько сидела передо мной, а Татьяна Толстая или, к примеру, Авдотья Смирнова. Не меньше...

Главный редактора журнала «Анапа сегодня» не только пропустил эту статью в новогодний (воздушный, прелестный, праздничный) номер, но и попросил меня развить тему, описать более подробно перипетии жизни Иды Балько в трудовой армии и в Восточном Казахстане. Что я и сделала.

Журнал со статьей вышел перед Новым годом. И теплый еще журнальный номер я торжественно вручила Иде Готлибовне. Мне было приятно видеть, с каким удовольствием она рассматривала свою фотографию в журнале, как внимательно слушала меня, когда я вызвалась прочитать для нее статью вслух.

В декабре 2010 года на Всероссийском конкурсе работников СМИ «Родная речь» эта работа получила главный приз конкурса. Церемония награждения состоялась в Тульской области, в родовом поместье Л.Н. Толстого Ясная Поляна. И здесь тема немецкого Рождества получила неожиданное продолжение. Нужно сказать, что на конкурсе в качестве жюри и приглашенных гостей были имена весьма известные — Дмитрий Быков, Ирина Петровская, Владимир Вишневский, Леонид Каганов и другие. Информационным же партнером конкурса был ТК «Культура». ТК «Культура» представлял Владислав Флярковский.

И на вечернем, очень красивом и вдохновенном банкете Флярковский взял слово и стал говорить тост.

Тост получился развернутым, переходящим в перечисление фактов биографии Владислава Пьеровича. Впрочем, затяжной характер тоста принимался на «ура» ввиду того, что «докладчик» говорил необыкновенно красочно и артистично. И вдруг — что же я слышу?

«...Мой дед был из немцев... сослан в Башкирию... репрессии...»

Словом, я слышу отголоски истории «Немецкого Рождества». Казалось, что эта тема начинает неотступно следовать за мной.

Наконец, однажды я перелистывала очередной номер журнала *STORY* и наткнулась на статью, главным героем которой был Альфред Кох. К этому моменту я знала о нем ровно столько, сколько знали о нем все обыватели в России. Но знала я и то, что его корни следует искать в Джигинке.

Мне удалось выйти на Альфреда Коха, и вскоре между нами состоялся телефонный разговор.

И на все мои пространные рассуждения (что, мол, бедная Джигинка, бедные немцы, никому их история не интересна) я услышала в ответ спокойное:

— Почему же «никому не интересна»? Мне, например, интересна...

И вот я уже в Германии. Любопытно то, что в Германию я попала именно в дни рождественских праздников. Ни больше ни меньше. То есть с чего все началось, к тому все и пришло. От Рождества к Рождеству. Хотя это совпадение было почти случайным. «Почти», поскольку подсознательно мне, конечно, хотелось увидеть эту страну в волшебном ореоле рождественских праздников.

Но к этому, «германскому», Рождеству мы еще вернемся. А пока перенесемся в 60-е годы позапрошлого века.

Ольга Лапина

Начало

«Маленькая Германия»

Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что оно управляется непосредственно самим Господом Богом, иначе невозможно объяснить, как оно существует.

**Российский генерал-фельдмаршал
Христофор Антонович
(Бурхард Кристоф фон) Миних**

В далеком 1868 году, 26 июля, в 30 км от Анапы остановились три подводы, крытые войлоком, на которых находились девять семей немецких переселенцев.

Картину, которая открылась путешественникам, нельзя было назвать радостной. Степь, кручи, бурьян, вой голодных волков. Змеи, кишасие под ногами...

Нет, не такой представляли себе переселенцы свою новую родину. Но двигаться дальше у них не было ни сил, ни средств.

И руководитель экспедиции Иоганн Шельске принимает решение остаться на новом месте.

...Трудно поверить, но через 20 лет это унылое местечко превратится в цветущее немецкое поселение с непривычным для местных жителей названием — Михаэльсфельд. Скоро, очень скоро здесь будут свои мельница, маслобойня, добротные просторные дома под черепицей, кирха, школа...

А пока путешественники распрягают лошадей, снимают с обозов свой небогатый скарб и начинают рыть землянки, в которых они будут жить первые дни на новой родине.

КТО ОНИ, ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ?

О первых переселенцах, основавших колонию Михаэльсфельд, достоверно известно немного. По разным причинам. В частности, по той причине, что в годы Великой Отечественной войны немцы Джигинки были депортированы (как ненадежный элемент или, точнее, враги народа) в Восточный Казахстан. На сборы им тогда дали сутки. Документы и фотографии брать с собой не решились. Таким образом, семейные фотографии и документы по большей части были сожжены, брошены, потеряны, уничтожены.

Лишь в немногих семьях джигинских немцев остались уцелевшие дневники, письма, заметки, семейные фотографии.

Екатерина Николаевна Шрамова, руководитель джигинского школьного музея, например, рассказывает, что от местных жителей она узнала, будто церковная книга, где отмечались все факты рождения, смерти, венчания, была-таки вывезена в Восточный Казахстан. Но, успешно совершив длительное и опасное путешествие, книга та погибла позже. Позже, когда ссыльные немцы, доведенные до отчаяния (и временами терявшие веру в свое счастливое будущее спасение), жившие минутами и мгновеньями, зачастую закручивали в пожелтевшие от времени листы церковной книги табак и с жадностью затыгивались этой, быть может, последней в своей жизни папироской.

Так (или примерно так) пропали многие документы. Хотя, разумеется, очень аккуратные, обстоятельные немцы не могли не вести записи, дневники, не могли педантично не фиксировать хотя бы хозяйственные расходы.

Тем не менее некоторые документы, свидетельства того времени, уцелели. В частности, в этой книге приводятся цитаты из дневников и воспоминаний Эммануила Фельхле и Андрея Пропенауэра. Эммануил Фельхле был родом из семьи немецких переселенцев, которые приехали на берега реки Джиги в числе первых. Андрей Пропенауэр приехал в Джигинку позже, но в своих воспоминаниях сообщает немало интересных фактов из истории Джигинки, свидетелем которых был он сам или знал их из рассказов очевидцев. В книге приводятся и цитаты из воспоминаний жительницы Джигинки Клары Пропенауэр. Эти воспоминания Клара Фридриховна писала уже в Германии, куда уехала с дочерью в 1990-е годы. Казалось бы, в Германии, где она поселилась в милом курортном местечке, Клара Пропенауэр могла быть наконец счастлива. Позади были ссылка, трудармия, неустроенность. Но Клара Пропенауэр отчаянно тосковала в Германии. Не только потому, что в России осталась могила ее мужа, остался ее сын и внуки. По сути, в России осталась ее родина, ее земля, с которой она была связана, как оказалось, накрепко. Ванда, ее дочь, купила однажды простую клеенчатую тетрадь, в которую Клара Пропенауэр и стала записывать все, что помнила, что знала об истории своей семьи и истории Джигинки. Кроме того, в книге приводятся и воспоминания ныне здравствующих Иды Балько, Альмы Герман, Марии Прицкау и других русских немцев, в судьбах которых отразилась вся судьба Джигинки.

Так что же известно о первых переселенцах?

Начнем с того, что, согласно имеющимся документам и свидетельствам, первые переселенцы прибыли на берега реки Джига (приток реки Кубань) из Бессарабии и земель Таврической губернии.

Вероятно, нужно было иметь вескую причину для того, чтобы сорваться с обжитых земель Бессарабии и Таврической губернии и устремиться на далекие и незнакомые им земли Кубани «в поисках счастья». Но что это была за причина?

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)